

Политические институты, процессы, технологии

УДК-323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-10-19

ВЫБОР СТРАТЕГИЙ В КОСОВСКОМ КОНФЛИКТЕ: ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ИЛИ ЦЕННОСТНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Н. В. Борисова, М. В. Грабевник

Борисова Надежда Владимировна, доктор политических наук, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Институт гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Россия.
E-mail: borisova@psu.ru (ORCID: 0000-0002-4516-0820. ResearcherID: G-8490-2018).

Грабевник Михаил Владимирович, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Институт гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Россия.
E-mail: mikhailgrabevnik@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3321-7519. ResearcherID: G-5572-2018).

Аннотация

Этнополитический конфликт в Косове является одним из наиболее актуальных вызовов региональной безопасности на территории современной Европы. Представлен анализ динамики конфликта в Косове в период 1990–2020 гг. через призму стратегий участвующих в нем сторон. Методологически основываясь на теории рационального выбора, авторы фиксируют наличие зависимости между динамикой этнополитического конфликта (в формате эскалация / деэскалация) и конфигурацией выбранных сторонами конфликта стратегий. Выявлено, что стороны конфликта, выступая в качестве «этнических предпринимателей», выбирают из двух ключевых стратегий – инструментально-рациональной и ценностно-рациональной. Ценностно-рациональную стратегию отличает использование дискурсивных аргументов этнической солидарности, истории и традиции, в то время как инструментально-рациональная стратегия предполагает прагматичное закрепление существующего институционального статус-кво этнического актора для достижения партикуляристских целей при использовании аргументов вынужденного сотрудничества, ресурсов, экономической и социальной безопасности группы. Динамика конфликта определяется следующей конфигурацией стратегий: при использовании обеими сторонами инструментально-рациональной стратегии увеличиваются возможности деэскалации конфликта; при использовании сторонами конфликтующих стратегий или столкновении ценностно-рациональных стратегий наблюдаются обратные эффекты.

Ключевые слова: Косово; Сербия; этнополитический конфликт; этничность; стратегия; Европейский союз; этнические предприниматели.

Этнополитический конфликт в Косове¹ является долговременным и остается одним из наиболее актуальных вызовов региональной безопасности в современной Европе. Его динамика в период 1990–2020 гг. может быть объяснена через выбранные сторонами стратегии и дискурсивные элементы их аргументации. В первой части статьи представлена теоретическая объяснятельная модель на основании теории рационального выбора, теории управления конфликтами Г. Шлее (Шлее, 2004) и концепции символической политики С. Кауфмана (Kaufman, 2001; Kaufman, 2006) как подходов к исследованию этнополитических конфликтов. Во второй части описана динамика конфликта в Косове в период 1990–2020 гг. В третьей части статьи показаны основные стратегии сторон конфликта и используемые ими дискурсивные аргументы, а также зафиксированы паттерны влияния выбранных стратегий на динамику конфликта. Исследование построено на применении метода исследования случая (case-study). Для фиксации институциональных решений в отношении управления конфлик-

© Борисова Н. В., Грабевник М. В., 2025

¹ Вслед за И. С. Семененко, В. В. Пантиним и В. И. Лапкиным авторы относят конфликт к этнополитическим территориальным конфликтам с ведущей ролью фактора исторической памяти (Семененко, Лапкин, Пантин, 2016).

том были проанализированы экспертно-аналитические материалы, посвященные мониторингу и оценке Косовского конфликта.

Стратегии этнополитического конфликта: теоретическая модель

Этническая группаtemporально стабильна и отличается солидарностью, общими культурой, историческим мифом, языком, религиозной принадлежностью, территорией проживания, а также коллективным представлением ее членов об общих целях и интересах (Тишков, Шабаев, 2019: 49). Именно коллективное (само)представление группы и воспроизведимые в результате коллективного опыта маркеры этнической идентичности позволяют рассматривать этническую группу как социально сконструированную общность (Fearon, Latin, 2000). Поскольку, как пишет Г. Шлее, «этничность связана с ее осознанием», она *конынктурна*, а потому методологически ошибочно рассматривать ее в качестве причины этнополитических конфликтов (Шлее, 2004: 8).

Будучи сконструированной, этничность регулярно инструментально используется в политической борьбе, практиках политического (национального и государственного) строительства и этнополитических конфликтах. Используя теорию рационального выбора как теоретико-методологическую рамку настоящего исследования, авторы полагают, что стратегии политического действия (в том числе в этнополитических конфликтах) формируются и артикулируются элитными группами, которые представляют интересы этнического сообщества и могут быть охарактеризованы как «этнические предприниматели». Их роль состоит в мобилизации поддержки этнической группы, а потому они вынуждены согласовывать коллективные цели / интересы группы с собственными целями / интересами.

Подобная экономическая объяснительная логика представлена в ряде исследований этнополитических конфликтов. С. Олсак настаивает на том, что в этнополитических процессах решающее значение имеет конкуренция между этническими группами за ключевые ресурсы (Olzał, 1992). Т. Гэрр полагает, что этнополитическое действие мотивирует недовольство членов этнической группы собственным статусным положением, а недовольство используется и мобилизуется лидерами группы – «этническими предпринимателями» (Гэрр, 2000: 244-256). Ф. Барт указывает, что этнические лидеры («корпоративная группа») «относятся к политике как к своеобразному бизнесу» (Тишков, Шабаев, 2019: 94). На это неоднократно указывает и Г. Шлее – отсутствие связи между высоким уровнем насилия и незначительными (порой отсутствующими) культурными различиями конфликтующих групп дает возможность объяснять динамику этнополитических конфликтов в зависимости от целей и интересов «этнических предпринимателей», понимаемых как рациональные акторы. Такой подход позволяет рассматривать практики и процессы мобилизации членов этнической группы через теорию рационального выбора.

Вместе с тем «этнические предприниматели» выбирают различные варианты стратегий в рамках этнополитических конфликтов. Опираясь на игровое решение дилеммы безопасности, Е. Меландер показывает, что «этнические предприниматели» без должных политических статуса и/или институциональной позиции могут быть менее удовлетворены ожидаемыми результатами мирного решения конфликта и более склонны продвигать среди рядовых членов группы идею потенциальной угрозы, видя в мобилизации большие стратегические выгоды (Melander, 1999). Напротив, этнические лидеры, которым есть что терять, не готовы нарушать институциональное статус-кво, а потому выбирают и используют, скорее, более сдержанные и умеренные риторику и действия в конфликте.

Такая трактовка предполагает, что варианты стратегий групп в рамках этнополитического конфликта рассматриваются как рациональные и прагматичные. Оставляя за рамками статьи большую (восходящую к идеям М. Вебера) академическую дискуссию о рациональности и рациональном действии, вслед за А. Варшни авторы полагают, что в анализе этнополитических конфликтов следует различать два типа стратегий участия в конфликте – *инструментально-рациональную (прагматическую)* и *ценностно-рациональную*. Первая стратегия исходит из строгого технического расчета и издержек и выгод предпринимаемых решений и действий. Вторая же стратегия «не чувствительна к издержкам», а руководствуется исключительно целями и потенциальными выгодами (Varshney, 2003: 87).

Зафиксировать и операционализировать вариацию стратегий возможно обращаясь к анализу риторики и дискурса этнических групп в конфликтном взаимодействии. Инструментально-рациональная стратегия сопровождается использованием прагматичных и сугубо экономических аргументов в дискурсе и риторике группы. Ценностно-рациональная стратегия предполагает большее и

явное использование в дискурсе символических и эмоциональных аргументов. Можно предположить, что рациональное измерение стратегического выбора этнических лидеров в условиях конфликта сопровождается большим или меньшим инструментальным использованием эмоциональных символических элементов, конструирующих группу. Таким образом, коллективные эмоции и рациональные политические и/или экономические интересы этнической группы определяют динамику конфликта.

Роль символических аргументов мобилизации в рамках этнополитических конфликтов акцентно отражена в работах С. Кауфмана (Kaufman, 2001; Kaufman, 2006). Его концепция символической политики объясняет связь между использованием этническими лидерами символических дискурсивных аргументов и риторики насилия и мобилизацией и легитимацией действий со стороны членов этнической группы. Он утверждает, что «групповые мифы, оправдывающие враждебность, страхи перед исчезновением группы и символическая политика мобилизации, а также дилемма межэтнической безопасности стимулируют этнические конфликты» (Kaufman, 2006: 47). Теория С. Кауфмана позволяет объяснить, как иррациональные (эмоциональные и символические) аргументы стимулируют эскалацию конфликтов, изначально являющихся спорами по поводу материальных или нематериальных благ и статусов (Grigorian, Kaufman, 2007: 187). Символически и эмоционально окрашенные дискурсивные аргументы и призывы к действию являются рациональным инструментом, который лидеры этнических групп используют в сугубо политических целях борьбы за власть. Именно в своем политическом действии (инструментально-рациональном или ценностно-рациональном) лидеры группы предстают в качестве рациональных «этнических предпринимателей».

Динамика этнополитического конфликта в Косове в период 1990–2020 гг.

Конфликт в Косове исторически обусловлен как практикой государственного (state-building) и национального (nation-building) строительства и особенностями национально-этнической политики в Социалистической Федеративной Республике Югославия, так и региональными структурными диспропорциями в социально-экономическом развитии страны (Пономарева, 2018). Центр-региональные отношения федералистского типа были изначально конституированы без Косова как административной единицы – в состав федерации 1946 г. вошли Хорватия, Словения, Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Македония (Гуськова, 2002: 10). Под влиянием демонстраций в Косове 1968 г. была инициирована конституционная реформа. Согласно обновленному основному закону федерации 1974 г. Сербия была конституирована как сложносоставная федеральная единица, а ее составные единицы – Косово и Воеводина – приобрели общефедеральный статус, что позволяло им участвовать в совместном управлении (и нередко блокировать решения Белграда) (Гуськова, 2002: 11). При этом система образования в Косове была тесна связана с албанской системой, что способствовало «албанизации» региона и росту албанских националистических настроений (Пономарева, 2018). Восстание за независимость Косова 1981 г., официально поддержанное Тираной и подавленное силой официальным Белградом, выступило триггером рестриктивных институциональных мер – в 1982 г. были введены ограничения лингвистических и культурных прав косовских албанцев.

Антисербские настроения в Косове были усилены национальной политикой в 1980-е гг., апофеозом которой стало решение Союзного правительства С. Милошевича о лишении Косова автономного статуса, закрепленного Конституцией СФРЮ 1974 г. В 1990 году на фоне протестов против такого решения косовские албанцы приняли Декларацию о независимости. Декларация и последовавший за ней проект Конституции Республики Косово стали проявлением претензий этнических албанцев на политическую субъектность в качестве нации. Белград подавил протесты в Косове, что стимулировало косовар отставать автономию региона через создание правительства, фискальной системы, систем образования и социального обеспечения. В 1991 году в Косове был проведен референдум, провозгласивший независимость края, который официальный Белград проигнорировал. На тайных выборах в Косове 1992 г. президентом был избран лидер «Демократической лиги Косово» И. Ругова. Признание Албанией политических решений косовар давало косовским элитам надежду на включение вопроса о независимости края в повестку Дейтонских переговоров. Однако вопрос о Косове в Дейтоне в 1995 г. не обсуждался, что расценивается экспертами как политический просчет, радикализировавший косовский национализм (Carson, 2013), лидерами которого стали «Форум албанских интеллектуалов Косово» и «Армия освобождения Косово»². Принятый ФАИК в 1995 г. меморандум («Общенациональная программа албанского движения в Крае») апеллировал к документам ООН и

² В 1990-е годы «Армия освобождения Косово» действовала как подпольная террористическая организация.

артикулировал требования проведения референдума под международным протекторатом (Романенко, 2009). Члены более радикальной АОК выступали против пассивного институционального сопротивления И. Руговы. В 1996–1997 годах АОК совершает серию силовых этнически мотивированных нападений на полицейских и гражданских лиц, что привело к эскалации конфликта³. Решение С. Милошевича о военной операции против АОК сделало конфликт силовым: регулярные вооруженные столкновения стали его неизменным атрибутом во второй половине 1990-х гг.

После неудачных переговоров между Белградом и АОК в начале 1999 г. силы НАТО без санкции Совбеза ООН вошли в Косово, параллельно осуществляя бомбардировки сербской военной и гражданской инфраструктуры (Новаковская-Кристман, Жаковска, 2015: 81). По результатам заключения соглашения с сербским правительством и принятия СБ ООН резолюции № 1244 из Косова были выведены войска СФЮ, на их место был введен миротворческий контингент НАТО и административно-управленческий персонал со стороны ООН (UN Interim Administration Mission in Kosovo). Резолюция СБ ООН также предполагала определение политического статуса Косова как условие политico-институциональной стабилизации в регионе.

В мае 2001 г. Белград и НАТО договорились о возвращении в «наземную зону безопасности» контингента армии СРЮ. Белград требовал гарантий прав и безопасности сербского и других этнических меньшинств, проживающих в Косове⁴, а также оставить без изменения границы, признанные международным сообществом. Но де-факто Белград с начала 2000-х гг. не имел возможности контролировать Косово, которое, по оценкам Е. Пономаревой, фактически находилось «под управлением международных и неправительственных организаций, поскольку ни албанцы, ни тем более сербы реальной власти в крае не имели» (Пономарева, 2005: 157).

При этом ни контингент ООН, ни краевые власти не стремились обеспечить гарантии прав сербских меньшинств. Д. Дункан пишет, что «*операция НАТО в Югославии позволила косовским албанцам начать преследование сербов в начале 2000-х гг.: сербский язык и символика были полностью удалены из публичной сферы; улицы и статуи, ранее названные в честь сербских или коммунистических лидеров, были переименованы в честь албанцев; албанские СМИ быстро расширялись в условиях запрета на сербские печатные СМИ*» (Duncan, 2016: 464). Эти эпизоды отвечают признакам открытой дискриминации сербского этнического меньшинства. В середине 2000-х гг. не раз возникали столкновения албанских националистов с Силами НАТО для Косова и контингентом ООН⁵. В 2000-е гг. тактики бойкота выборов, переписей, плебисцитов и публичного обсуждения вопросов государственного значения (в том числе и конституционных) стали регулярными символически окрашенными инструментами политической борьбы в Косовском конфликте. Так, например, референдум о принятии новой Конституции Сербии 2006 г. был бойкотирован косовскими албанцами, тогда как наиболее активными его сторонниками стали, напротив, косовские сербы. В 2008 г. Косово в одностороннем порядке объявило о независимости, что до сих пор Белград не признал и считает регион автономным краем Косово и Метохии в составе сербского государства⁶.

Первый крупный вооруженный конфликт в непризнанной республике произошел в 2011 г., когда полиция Косова перешла административную границу сербских муниципалитетов с целью установления контроля Приштины над пограничными переходами и постами. Это был ответ на введение Белградом запрета на импорт из Косова любых товаров, что негативно сказывалось на экономическом состоянии де-факто государства⁷. Косовская полиция пыталась поставить таможенные пункты для регулирования передвижения трудовых ресурсов и товаров, мотивируя свои действия положениями Конституции Косова. ЕС призвал Белград деконструировать «параллельные политico-административные институты» в Косове, но сербское правительство, используя в качестве аргумента непризнание независимости Косова и необходимость выполнения условий резолюции СБ ООН

³ Kosovo's Long, Hot Summer: Briefing on Military, Humanitarian and Political Developments in Kosovo (1998) [Электронный ресурс], International Crisis Group (ICG), 02 Sep. URL: <https://reliefweb.int/report-serbia/kosovos-long-hot-summer-briefing-military-humanitarian-and-political-developments> (accessed 15 May 2024).

⁴ Этнические сербы в Косове проживают преимущественно в 11 муниципальных образованиях: Северной Митровице, Лепосавиче, Звечане, Митровице, Зубин Потоке, Грачанице, Ранилуке, Ново Брдо, Клокоте, Партиште, Штрпце.

⁵ Anti-Minority Violence in Kosovo (2004) [Электронный ресурс], Human Rights Watch, March. URL: <https://www.hrw.org/reports/2004/kosovo0704/4.htm> (accessed 15 May 2024).

⁶ Dacic speaks sharply about Kosovo [Электронный ресурс], Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.rs/en/press-service/news/dacic-speaks-sharply-about-kosovo> (accessed 15 May 2024).

⁷ A little local difficulty (2011) [Электронный ресурс], The Economist, 06 August. URL: <https://www.economist.com/europe/2011/08/06/a-little-local-difficult> (accessed 15 May 2024).

№ 1224, отказалось вносить какие-либо изменения в институциональную структуру⁸. Столкновения в сербских муниципалитетах продолжались до середины 2012 г. под наблюдением Сил НАТО для Косова.

В феврале 2012 г. в четырех северных сербских муниципалитетах Косова прошел референдум о признании Косова как независимого государства и признании косовских институтов: 99,7 % населения высказалось против. Эксперты отмечали, что «косовские сербы организовали референдум, опасаясь, что Сербия откажется от притязаний на Косово, если ее примут в ЕС»⁹. На этом фоне в 2012–2013 гг. при медиации ЕС прошли переговоры о нормализации отношений между Сербией и Косовом. В результате было подписано Брюссельское соглашение 2013 г. (First Agreement of Principles Governing the Normalisation of Relations), по которому на косовской территории должно быть создано Сообщество сербских муниципалитетов (Community of Serb Municipalities)¹⁰. ЕС обязался предоставить Косову право начать процесс евроинтеграции, а Республика Сербия обязалась не препятствовать этому (как, собственно, и наоборот)¹¹. Условия соглашения не были выполнены: парламент Косова не ратифицировал его, а Конституционный суд Сербии счел соглашение не удовлетворяющим Конституции. Косовские националисты не согласились с Брюссельским соглашением в части обязательств учреждения Сообщества сербских муниципалитетов¹². В 2015–2016 годах в Косово развернулся правительственный кризис: оппозиция во главе с радикальной партией «Самоопределение» выступила против правительства либеральных демократов, используя протесты, бойкот, саботаж и даже акты насилия на севере Косова, как, например, в городе Митровице.

В марте 2018 г. в Митровице косовская полиция по обвинению в незаконном пересечении границы и пропагандистской деятельности арестовала главу офиса Республики Сербия по делам Косова М. Джурича. Белград счел это террористическим актом Приштины. Консультации с ЕС приставили эскалацию конфликта¹³. В ноябре 2018 г. Приштина ввела таможенные пошлины в 10 % на товары, импортируемые из Сербии и Боснии и Герцеговины, объяснив это деструктивным характером действий Белграда и Сараева по отношению к Косову¹⁴. В ответ на заблокированную ими попытку Косова вступить в Интерпол косовское правительство в конце ноября 2018 г. ввело уже 100%-ный таможенный тариф на импорт из Сербии и Боснии и Герцеговины. Урегулирование этого вопроса проходило при медиации США и завершилось Соглашением о нормализации экономических отношений между Сербией и Косовом 2020 г. (Kosovo and Serbia Economic Normalization Agreements)¹⁵.

В сентябре 2021 г. Косово ввело запрет на использование сербских номерных знаков, спровоцировавший протесты и строительство баррикад в сербских общинах. При содействии ЕС Сербия и Косово договорились об отмене запрета¹⁶. В июле 2022 г. Приштина заявила о разработке нового закона, обязывающего всех проживающих в Косове граждан иметь удостоверение личности и автомобильные номерные знаки косовского стандарта, а также признающего недействительными сербские документы (в том числе выданные до 2008 г.)¹⁷. Это усилило риск насильтственных столкновений, в связи с чем Силы НАТО для Косова под мандатом ООН увеличили свой контингент на севере непри-

⁸ Serbs form rival Kosovo assembly (2008) [Электронный ресурс], BBC News, 15 June. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/7455737.stm> (accessed 15 May 2024).

⁹ Косовские сербы сказали «нет» албанскому руководству республики (2018) [Электронный ресурс], Lenta.Ru, 16 February. URL: <https://lenta.ru/news/2012/02/16/referendum/> (дата обращения: 15.05.2024).

¹⁰ Brussels Agreement. First Agreement of Principles Governing the Normalization of Relations [Электронный ресурс], The Government of the Republic of Serbia. URL: <https://www.srbija.gov.rs/specijal/en/120394> (accessed 15 May 2024).

¹¹ Там же.

¹² Police and protesters clash in worst Kosovo unrest since 2008 breakaway (2015) [Электронный ресурс], Euronews, 27 January. URL: <https://www.euronews.com/2015/01/27/police-and-protesters-clash-in-worst-kosovo-unrest-since-2008-breakaway> (accessed 15 May 2024).

¹³ Kosovo Arrests Serbian Official for Illegal Entry (2018) [Электронный ресурс], Balkan Insight, 26 March. URL: <https://balkaninsight.com/2018/03/26/kosovo-arrest-serb-official-marko-djuric-03-26-2018/> (accessed 15 May 2024).

¹⁴ Kosovo Imposes Customs Tariffs on Serbia, Bosnia (2018) [Электронный ресурс], Balkan Insight, 11 June. URL: <https://balkaninsight.com/2018/11/06/kosovo-imposes-customs-tariffs-for-serbia-and-bosnia-and-herzegovina-11-06-2018/> (accessed 15 May 2024).

¹⁵ Muharremi R. (2021) The Washington Agreement Between Kosovo and Serbia, American Society of International Law, 25(4), [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asil.org/insights/volume/25/issue/4/washington-agreement-between-kosovo-and-serbia> (accessed 15 May 2024).

¹⁶ Meeting of the Chief Negotiators. Car license plate agreement [Электронный ресурс], Normalizacija.rs. URL: <https://normalizacija.rs/meeting-of-the-chief-negotiators-car-license-plate-agreement/?lang=en> (accessed 15 May 2024).

¹⁷ Explainer: Why Kosovo's stand-off with Serbs goes on 15 years after statehood (2023) [Электронный ресурс], Reuters. 13 February. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/why-kosovos-stand-off-with-serbs-goes-15-years-after-statehood-2023-02-13/> (accessed 15 May 2024).

занной республики. В конце 2022 г. депутаты от сербского меньшинства в знак протеста покинули парламент, правительство и все государственные учреждения в Приштине, муниципальные судьи, полицейские и главы в сербских муниципалитетах ушли в отставку. В этой ситуации Миссия ЕС по верховенству закона в Косове усилила полицейский контроль. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель заявил, что в результате нескольких раундов переговоров Сербия и Косово достигли согласия по вопросу об автомобильных номерных знаках и договорились не предпринимать каких-либо нормативных действий по данному поводу – Косово обязуется не продвигать законопроект, а Сербия обязуется не выпускать номеров для косовских территорий¹⁸.

В 2022–2023 годах фиксируются неоднократные эпизоды этнического насилия в Косове. В конце 2022 г. по подозрению в нападении на избирательные участки косовская полиция арестовала полицейского этнического серба Д. Пантича, а сербы в ответ соорудили баррикады для вооруженной борьбы с косовской полицией. В канун православного Рождества 2023 г. в южных сербских муниципалитетах албанские националисты убили двух молодых этнических сербов, что вновь спровоцировало сербские протесты в Косове. В конце января 2023 г. косовские полицейские расстреляли автомобиль с этническими сербами; в ответ сербы массово перекрывали дороги баррикадами на севере Косова¹⁹. В сентябре 2023 г. группа этнических сербов с помощью грузовиков без номерных знаков на севере Косова заблокировала мост в деревню Баньска и открыла огонь по косовским полицейским.

Спустя 15 лет после объявления независимости Косова конфликт сохраняется. Охридское соглашение 2023 г. не снизило конфликтность: регулярные переговоры при медиации ЕС безуспешны: Ж. Боррель признает патовый характер взаимодействий Косова, сербских муниципалитетов и Сербии²⁰. Эксперты считают деэскалацию возможной только посредством принуждения правительства А. Кути и партии «Самоопределение» к созданию Сообщества сербских автономных муниципалитетов со стороны внешних акторов, что пока остается маловероятным²¹.

Стратегии этнополитического конфликта в Косове и возможности деэскалации

Сербские и косовские элиты являются «этническими предпринимателями», предоставляющими клубные блага членам своей группы в обмен на политическую поддержку. Ввиду этого их политические действия и решения в условиях конфликта в фокусе теории рационального выбора следует рассматривать как прагматичные. Для мобилизации поддержки со стороны сообщества, а также для достижения, укрепления и легитимации собственных политических позиций «этнические предприниматели» защищают и транслируют одновременно коллективные интересы этнической группы и собственные частные интересы. Уровни интересов и целей внутри группы могут выстраиваться в разные конфигурации – совпадать, сосуществовать и/или противоречить. Преследуя цели мобилизации, анализируемые этнические группы в рамках Косовского конфликта выбирают из двух стратегий²². В таблице зафиксированы стратегии сторон конфликта, характерные для них дискурсивные аргументы в отстаивании позиции и собственных действиях и их индикаторы.

Первая стратегия – *инструментально-рациональная* – нацелена на рациональное решение прагматичных вопросов конфликта с учетом экономического расчета выгод и издержек конкретных интеракций. Такая стратегия предполагает ориентацию на контрагентов конфликта (то есть на «этнических предпринимателей» противоборствующей группы) и предполагает более частое использование рациональной дискурсивной аргументации принимаемых действий и решений. Вторая стратегия – *ценностно-рациональная* – нацелена на мобилизацию поддержки как самоцель и нередко игнорирует потенциальные риски и издержки принимаемых в ходе конфликта решений. Используя та-

¹⁸ Боррель: Сербия и Косово достигли соглашения по номерным знакам (2022) [Электронный ресурс], *РИА Новости*, 24 November. URL: <https://ria.ru/20221124/soglashenie-1833812471.html> (дата обращения: 15.05.2024).

¹⁹ Timeline: How tensions between Serbia and Kosovo escalated into deadly clashes over a year (2023) [Электронный ресурс], *Anadolu Agency*, 26 September. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/timeline-how-tensions-between-serbia-and-kosovo-escalated-into-deadly-clashes-over-a-year/3000891> (accessed 15 May 2024).

²⁰ Боррель признал, что не смог добиться прогресса на переговорах по Косово (2023) [Электронный ресурс], *РИА Новости*, 14 September. URL: <https://ria.ru/20230914/kosovo-1896382313.html> (дата обращения: 15.05.2024).

²¹ Behind the Renewed Troubles in Northern Kosovo [Электронный ресурс], *International Crisis Group*. URL: <https://www.crisisgroup.org/behind-renewed-troubles-europe-balkans-northern-kosovo> (accessed 15 May 2024).

²² В данной статье анализируются стратегии «этнических предпринимателей» в рамках этнополитического конфликта (внешнее измерение стратегии). Авторы признают значимость внутреннего (внутриэлитного / межэлитного) измерения стратегий «этнических предпринимателей» в борьбе за власть внутри этнического сообщества. Взаимовлияние измерений / уровней стратегий является важным исследовательским сюжетом, но в настоящей статье остается за рамками рассмотрения.

кую стратегию, этнополитические акторы чаще апеллируют к коллективным символическим целям и используют аффективную и эмоциональную дискурсивную аргументацию собственных действий.

Таблица

**Стратегии и дискурсивные аргументы сторон
этнополитического конфликта в Косове в 1990–2020 гг.**

Стратегия	Аргументы	Индикаторы
Инструментально-рациональная стратегия	Аргумент этнической солидарности	Объединение этнической группы, этнические самобытность и идентичность, «мы versus они»
	Аргумент истории	Историческая конфликтность между этническими группами, вражда по традиции, значимость исторического совместного прошлого и пр.
Ценностно-рациональная стратегия	Аргумент сотрудничества	Совместные проекты и деятельность, коалиционные взаимодействия на разных административных уровнях, электоральные коалиционные взаимодействия и пр.
	Аргумент ресурсов	Борьба за административные, фискальные, экономические, политические полномочия и ресурсы
	Аргумент безопасности	Сохранение политического и административного статус-кво, наличие / отсутствие злоупотребления властью со стороны национального центра

Примечание: составлено авторами.

Рубежным событием в развитии конфликта является объявление независимости Косова. В период до 2008 г. основными сторонами конфликта были Белград и Приштина в границах одного национального государства. Стремление Косова к автономии и независимости стало вызовом политико-территориальной целостности Сербии, потенциально угрожая также и правам косовских этнических сербов. В условиях распада СФРЮ, роста воеводинского регионализма и черногорского сепаратизма официальный Белград продвигал дискурс защиты интересов всего многонационального сербского народа (включая и косовских сербов) и выступал за территориальную целостность как необходимое условие становления национального государства. В подобных условиях цели и интересы Белграда были когерентны политической позиции Сербии. С одной стороны, в начале 1990-х гг. приоритетом была легитимация сербской государственности в логике государственной статусности (statehood), то есть признания правомочности и дееспособности Сербии на международной арене. С другой стороны, международная эскалация рубежа 1990–2000 гг. способствовала смещению приоритета интересов в сторону необходимости обеспечения национальной и экономической безопасности в национальных границах в логике государственной состоятельности (stateness). В таких условиях стратегия Сербии до 2008 г. имела смешанный характер – Белград балансировал между инструментально-рациональной и ценностно-рациональной опциями. Стратегия же Приштины на протяжении всего времени до объявления собственной независимости имела ярко выраженный ценностно-рациональный характер, будучи направленной на достижение и легитимацию политического статуса.

После объявления независимости Косова конфликт иначе воспринимается и интерпретируется его участниками. Для Белграда Косово остается краем в составе Сербии, а потому он не готов считать Приштину равностатусным по отношению к себе контрагентом и продолжает публично видеть в конфликте исключительно вертикальное измерение. Приштина же рассматривает Белград как равностатусного оппонента, переводя восприятие конфликта в горизонтальную плоскость международной политики (то есть отношений двух суверенных национальных государств). От интерпретации зависят и преследуемые сторонами цели, выбираемые ими стратегии. Приштина одновременно решает две задачи: легитимация статуса на международной арене в логике государственной статусности (statehood) и обеспечение управления политико-территориальной гетерогенностью внутри Косова в логике государственной состоятельности (stateness). Белград, сохраняя видение конфликта в вертикальной плоскости как конфликта центр – регион внутри Сербии, считает Косово де-факто государством и сталкивается с необходимостью учитывать международную политическую конъюнктуру. В таких условиях обе стороны конфликта в 2010-е гг. используют преимущественно инструментально-

рациональную стратегию, а эмоциональные дискурсивные аргументы все чаще уступают место рациональным. Подобное совпадение стратегий контрагентов конфликта снижает конфликтный потенциал в первой половине 2010-х гг., свидетельством чему являются Брюссельское соглашение 2013 г. и Вашингтонское соглашение 2020 г. Прагматичные аргументы экономической безопасности, вынужденного сотрудничества, перераспределения ресурсов и публичных благ превалируют над эмоциональными и символическими этническими дискурсивными аргументами.

Ситуация в конфликте, однако, меняется в начале 2020-х гг. Формирующая косовское правительство партия «Самоопределение» меняет стратегию Косова на современном этапе развития конфликта, используя преимущественно символические дискурсивные аргументы истории и этнической солидарности. Актуализируя проблемы национального строительства и композиции национальной (гражданской) идентичности в Косове, правительство А. Курти прагматично следует ценностно-рациональной стратегии, которая хотя и ведет к укреплению политической силы партии, но существенно снижает потенциал деэскалации. Таким образом, возможности эффективного разрешения конфликта сегодня при различающихся стратегиях сторон (ценностно-рациональная стратегия А. Курти versus инструментально-рациональная стратегия А. Вучича) ограничены даже при медиации ЕС, что только подтверждают события августа–сентября 2024 г., демонстрирующие новый виток эскалации конфликта.

Заключение

Исследование подтверждает гипотезу о связи динамики этнополитического конфликта с выбором стратегий участвующих в нем сторон. В периоды деэскалации наблюдается выбор обеих сторон в пользу инструментально-рациональной стратегии. В периоды эскалации, наоборот, фиксируется либо несовпадение стратегий сторон (инструментально-рациональная versus ценностно-рациональная), либо выбор ценностно-рациональной стратегии обеими сторонами. Повышение интенсивности конфликта связано с использованием символических дискурсивных аргументов истории и этнической солидарности, тогда как аргументы вынужденного сотрудничества, ресурсной политики и экономической безопасности работают на его деэскалацию. Не умаляя значимость этнического фактора, истории, идентичности, полагаем, что роль межэлитных взаимодействий, ресурсная сила, прагматические электоральные претензии и политические действия «этнических предпринимателей» значимы для динамики этнополитического конфликта. Практики обмена стимулируют элиты не только создавать этнические конструкты в политico-инструментальных целях, но и манипулировать этнической идентичностью в борьбе за властные позиции. А потому следует рассматривать динамику отношений этнических групп в политических конфликтах как связанную с колебанием между двумя ключевыми стратегиями, используемыми элитами этих групп.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Список литературы / References

- Гуськова, Е. Ю. (2002) ‘Албанское сепаратистское движение в Косове’ в: Гуськова, Е. Ю. (ред.) *Албанский фактор кризиса на Балканах: сборник научных статей. Серия “Проблемы глобальной и региональной безопасности”*. Москва: ИНИОН РАН, сс. 7–47.
[Gus'kova, E. Yu. (2002) ‘Albanian Separatist Movement in Kosovo’ [Albanskoe secessionistskoe dvizhenie v Kosove] in: Gus'kova, E. Yu. (eds.) *Albanian Factor of Balkan Crisis: collection of sci-*

entific articles. Series “Problems of Global and Regional Security” [Albanskij faktor krizisa na Balkanah: sbornik nauchnyh statej. Seriya “Problemy global'noj i regional'noj bezopasnosti”]. Moscow: INION RAN, (In Russ.). EDN: RBNGNT

- Гэрр, Т. Р. (2000) ‘Почему меньшинства восстают? Объяснение этнополитического протesta и мятежа’ в: Празаускас, А. А. (ред.) *Этнос и политика: Хрестоматия*. Москва: Издательство УРАО,

- cc. 245–256. [Gurr, T. R. (2000) ‘Why Minorities Revolt: An Explainer of Ethnopolitical Protest and Rebellion’ [Pochemu men'shinstva vosstayut? Obyasnenie etnopoliticheskogo protesta i myatezha] in: Prazauskas, A. A. (eds.) *Ethnos and Politics: Anthology* [Etnos i politika: Hrestomatiya]. Moscow: Izdatel'stvo URAO, pp. 245–256. (In Russ.)].
- Новаковская-Кристман, А., Жаковска, М. (2015) ‘Конфликт в Косово, рассмотренный в концептуальных рамках заинтересованных сторон’, *The Quarterly Journal*, 14 (4), сс. 77–90. [Novakovskaya-Kristman, A., Zhakovska, M. (2015) ‘Conflict in Kosovo through the Conceptual Framework of Stakeholders’ [Konflikt v Kosovo, rassmotrennyj v konceptual'nyh ramkah zainteresovannyh storon], *The Quarterly Journal*, 14 (4), pp. 77–90. (In Russ.)].
- Пономарева, Е. Г. (2018) ‘Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: сценарный подход’, *Вестник МГИМО-Университета*, 2(59), с. 99–124. [Ponomareva, E. G. (2018) ‘The Albanian Factor of Destabilization of the Western Balkans: Scenario Approach’ [Albanskij faktor destabilizacii Zapadnyh Balkan: scenarnyj podhod], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2(59), pp. 99–124. (In Russ.)].
- Пономарева, Е. Г. (2005) ‘Суверенитет периферийных обществ в условиях глобализации: Сербия и Черногория’, *Политическая наука*, 4, сс. 151–172. [Ponomareva, E. G. (2005) ‘Sovereignty of Peripheral Societies in the Context of Globalization: Serbia and Montenegro’ [Suverenitet periferijnyh obshchestv v usloviyah globalizacii: Serbiya i Chernogoriya], *Politicheskaya Nauka*, 4, pp. 151–172. (In Russ.)].
- Романенко, С. А. (2009) ‘Косово: история, характер и динамика конфликта’ в: Романенко, С. А., Шмелев, Б. А., Улунян А. А. (ред.) *Конфликт в Косово и международная безопасность*. Москва: Институт экономики РАН, сс. 13–58. [Romanenko, S. A. (2009) ‘Kosovo: History, Character and Dynamics of the Conflict’ [Kosovo: istoriya, harakter i dinamika konflikta] in: Romanenko, S. A., Shmelev, B. A., Ulunyan A. A. (eds.) *Conflict in Kosovo and International Security* [Konflikt v Kosovo i mezhdunarodnaya bezopasnost']. Moscow: Institut ekonomiki RAN, pp. 13–58. (In Russ.)]. EDN: VOOVOZ
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Пантин, В. И. (2016) ‘Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории»’, *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 69–94. [Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2016) ‘Classifying Ethnic Conflicts: Challenges for Political Theory and Methodology’ [Tipologiya etnopoliticheskoy konfliktnosti: metodologicheskie vyzovy «bol'shoj teorii»], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, pp. 69–94. (In Russ.)].
- Тишков, В. А., Шабаев, Ю. П. (ред.) (2019) *Этнополитология: Политические функции этничности*. Москва: Издательство Московского университета. [Tishkov, V. A., Shabaev, Yu. P. (eds.) (2019) *Ethno-Political Science: Political Functions of Ethnicity* [Etnopolitologiya: Politicheskie funktsii etnichnosti]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)].
- Шлее, Г. (2004) *Управление конфликтами: теория и практика*. Москва: Deutsch-Russischer Austausch. [Schlee, G. (2004) *Conflict Management: Theory and Practice* [Upravlenie konfliktami: teoriya i praktika]. Moscow: Deutsch-Russischer Austausch. (In Russ.)].
- Carson, Ch. (2013) ‘The Dayton Accords and the Escalating Tensions in Kosovo’, *Berkeley Undergraduate Journal*, 26 (1), pp. 68–84.
- Duncan, D. (2016) ‘Language policy, ethnic conflict, and conflict resolution: Albanian in the former Yugoslavia’, *Language Policy*, 15, pp. 453–474. DOI: 10.1007/s10993-015-9380-0 EDN: SHRSIW
- Fearon, J., Latin, D. (2000) ‘Violence and the Social Construction of Ethnic Identity’, *International Organization*, 54 (4), pp. 845–877. DOI: 10.1162/002081800551398
- Grigorian, A., Kaufman, S. (2007) ‘Correspondence: Hate Narratives and Ethnic Conflict’, *International Security*, 31 (4), pp. 180–191. DOI: 10.1162/isec.2007.31.4.180
- Kaufman, S. J. (2001) *Modern hatreds: the symbolic politics of ethnic war*. Cornell University Press. DOI: 10.7591/9781501702006
- Kaufman, S. J. (2006) ‘Symbolic Politics or Rational Choice? Testing Theories of Ex-

- treme Ethnic Violence', *International Security*, 30 (4), pp. 45–86.
- Melander, E. (1999) *Anarchy Within - The Security Dilemma Between Ethnic Groups in Emerging Anarchy*, Uppsala University Department for Peace and Conflict Research, Report 52, Uppsala: Institutionen för freds och konfliktforskning.
- Olzak S. (1992) *The Dynamics of Ethnic Competition and Conflict*. Stanford University Press.
- Varshney, A. (2003) ‘Nationalism, Ethnic Conflict, and Rationality’, *Perspectives on Politics*, 1 (1), pp. 85–99.
DOI: 10.1017/S1537592703000069 EDN: FOOJST

Статья поступила в редакцию: 21.09.2024
Статья принята к печати: 15.01.2025

CHOOSING STRATEGY IN KOSOVO CONFLICT: INSTRUMENTAL OR VALUE RATIONALITY

N. Borisova, M. Grabevnik

Nadezhda Borisova, Doctor of Science (in Politics), Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS, Russian Federation.
E-mail: borisova@psu.ru (ORCID: 0000-0002-4516-0820. ResearcherID: G-8490-2018).

Mikhail Grabevnik, Candidate of Science (in Politics), Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS, Russian Federation.
E-mail: mikailgrabevnik@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-3321-7519. ResearcherID: G-5572-2018).

Abstract

The ethnopolitical conflict in Kosovo is one of the crucial challenges of regional security in contemporary Europe. The article presents a qualitative analysis of the dynamics of this conflict in the period 1990-2020, focusing on its parties' strategies. Based on the theory of rational choice, the authors underline the strong linkage between the dynamics of the ethnopolitical conflict (in terms of escalation/de-escalation) and the configuration of the strategies chosen by the parties of the conflict. It is noted that the parties involved in the conflict, acting as "ethnic entrepreneurs", choose between two key strategies: the value rationality strategy (the articulation of the collective goals of an ethnic group to achieve using arguments of ethnic solidarity, history, and tradition) and the instrumental rationality strategy (the pragmatic consolidation of the existing institutional status quo using arguments of forced cooperation, resources, economic and social security of the group). The authors find that the conflict dynamics are determined by the configuration of such strategies. If both parties use the instrumental rationality strategy in a coordinated manner, the possibilities of conflict de-escalation increase; if the parties use conflicting strategies (value rationality strategy versus instrumental rationality strategy) or if the value rationality strategies clash, the opposite effects are observed.

Keywords: Kosovo; Serbia; ethnopolitical conflict; ethnicity; value rationality; instrumental rationality; strategy; European Union; ethnic entrepreneurs.

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (project «Why do inefficient institutions borrow? Management of political and territorial heterogeneity and ensuring territorial integrity State») at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.